

Михаил Анечкин

Точка отсчета

«PUBLISH-SELL-BOOK LLC»

2014

Анечкин М.

Точка отсчета / М. Анечкин — «PUBLISH-SELL-BOOK LLC»,
2014

В центре книги – судьбы пяти разных людей. Первый – боец СОБР, разуверившийся в деле, которому служит уже пятнадцать лет. Второй – охотинспектор, довольный своей жизнью. Третий – молодой сталкер, безоговорочно разделяющий убеждение «каждый сам за себя». Остальные двое – солдаты морской пехоты США, стоящие на разных концах социальной лестницы. Эти пятеро живут своей жизнью и не подозревают о существовании друг друга до тех пор, пока случай не сталкивает их вместе. Маленькая группа людей вопреки своей воле вовлечена в большую политику. Но все, что нужно им самим, – просто выжить. Однако злой рок гонит их в центр новой Зоны, туда, где начнется страшное и кровавое сражение. Никто из них не подозревает, что впереди самое тяжелое испытание в жизни. И для каждого это испытание – бой с самим собой. Скоро эти пятеро выйдут на место, где смогут заглянуть внутрь себя, и поймут, кто из чего сделан на самом деле. Кто-то обретет себя, кто-то – предназначение, а кто-то встретит свою любовь. Их судьбы изменятся, и это место для каждого из них станет точкой отсчета. Точкой отсчета новой жизни.

© Анечкин М., 2014

© PUBLISH-SELL-BOOK LLC, 2014

Содержание

Алекс Нейл. Морская пехота США, рядовой	6
Александр Федоров. Охотинспектор Климовского района	11
Бритва. Сталкер, в миру Артем Быков	13
Сергей Демидов. Брянский СОБР	18
Бритва. Сталкер, в миру Артем Быков	23
Алекс Нейл. Морская пехота США, рядовой	25
Сергей Демидов. Брянский СОБР	27
Алекс Нейл. Морская пехота США, рядовой	32
Александр Федоров. Охотинспектор Климовского района	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Михаил Анечкин

Точка отсчета

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Алекс Нейл. Морская пехота США, рядовой

Я, может, и не умею красиво выражаться, как тот же Дорн, например, потому как в школе учился такой, что если написал свое полное имя без ошибок, то тройку уже, считай, получил. Только кое в чем я разбираюсь лучше многих. Так я им всем и сказал.

– Вы все тут олухи и маменькины сынки вчерашние. Пожили бы вы у нас Браунсвилле годок-другой – тогда бы я посмотрел, как бы вы запели. Кэп наш дело говорит.

Сказал и пожалел. Нет, вы не подумайте, я не испугался, что чересчур круто на парней наехал. Я вообще-то никого не боюсь. Но оттого, как ребята примолкли, я понял, что свою думку мне придется дальше объяснять. А вот говорить я не мастак. Если кому в дыню засветить, то это пожалуйста, всегда готов, а вот языком чесать – нет, это не ко мне.

– Слышь, Нейл, тебя какая муха укусила?

А вот и Дорн. Ну да, конечно, промолчать он не может, куда без него. Он у нас самый мозговитый. Вообще я к мозговитым парням ровно отношусь, без зависти, но Дорн страсть как любит повыдрючиваться. Вон, даже разгрузку после патруля не снял, павлин хренов, костопыжится. Было бы перед кем. Голливудская улыбка, бицепсы накачанные, хоть прямо сейчас на рекламный плакат «Морская пехота США ждет тебя, сынок».

Вообще не понимаю, что он у нас делает. Для таких дорога другая – колледж, университет, степень доктора, очки в тонкой золотой оправе и годовой доход штук сто через пять лет. Не то что я, ниггер, пушечное мясо.

– А что, мне кто-то запрещал слово сказать?

– Да нет, только вроде ты молчал все время, вот я и удивился. Слушай, Нейл, расскажи мне, при чем тут твой Браунсвилл и этот вонючий русский следопыт?

Ну вот я и попал, и кто за язык меня тянул? Слова раскладывать, как Дорн, я не силен, вот он и решил, видать, меня запутать и заодно крутизну свою показать. А вот хрен тебе, папенькин сынок.

– Следопыт тут и ни при чем. Только ты... вы... ну не все вы, конечно... в общем, хорош на кэпа наезжать, парни.

Кэп – это наш ротный, мировой мужик.

– Да мы и не наезжаем. Так только, немного сомневаемся в целесообразности общения с представителями местной фауны, которую вроде как обязаны давить и уничтожать. Скажи вот мне, Нейл, был такой приказ, – отшивать это отребье куда подальше? А если оно будет гоношиться, то и в расход пускать на месте? Не слышу, Нейл, был такой приказ?

Ишь ты. Специально ведь умные слова вставляет, чтобы показать, кто он, а кто я.

– Ну был.

– А присягу ты давал? «Клянусь выполнять приказы президента и вышестоящих офицеров», ну и все такое?

– Ну...

– А вот и ну. Этого русского надо было минимум в наручники, а то и к стенке ставить. А ты сидел и в рот ему смотрел. А теперь про Браунсвилл чего-то говоришь, чего я никак в толк взять не могу. Не объяснишь, в чем цимес-то?

Все он понимает, сучий потрох, дурачка включил, что я не догадался, что ли? Я ведь что, я все соображаю, только не всегда могу складно рассказать. Дорн эту фишку мою давно прохавал, вот и хочет меня перед всеми недоумком выставить. Это потому что мы с Дорном еще с учебки на ножах.

– А то и не можешь понять, потому что не знаешь, как у нас там выживают.

– Так поделись.

– И поделюсь. Что, думаешь, если колледж окончил, только тебе одному можно говорить, да? А мне, значит, помалкивать и тебя слушать?

– Заметь, Нейл, не я первый это сказал. А вообще, ты, солдат, напраслину возводишь на своего верного боевого товарища.

– Так вот слушай, товарищ ты мой верный. Хочешь выжить в черном районе – живи не по тем законам, что белые господа принимают, а по тем, что на улицах правят, – понял? Так и тут. У русских есть поговорка – на заборе много чего написано, а там дрова лежат.

– А-а-а, извини, я забыл, ты же у нас спец по русским братьям.

Ну да, этого у меня не отнять. Чего-чего, а понимать чужую речь я умею здорово. Хотя тут Бог меня не обидел.

Хотя сами подумайте, как бы я еще в это блатное место попал, если б не языки. Формально тут деплоймент, зона боевых действий, только почти никто не гибнет, как в Ираке или в Афганистане, а местные дружелюбны и на людей похожи.

– Братья не братья, а иногда мне кажется, что с ними мне проще и легче, чем с такими, как ты.

– Это потому, что ты мне завидуешь.

Вот скажите, почему Дорн такой говнюк, а? К ак же кулаки-то чешутся в репу ему зарядить... Терпи, солдат, терпи и помни: не тронь дерьмо, вонять не будет. Интересно, а чем ему русский не угодил? Нормальный мэн, кстати, говорит дело, зря не понтуется. Держится с достоинством, не заискивает, марку, одним словом, держит.

Дорн, сидевший вразвалку, вдруг вскочил и занял стойку смирно, напряженно смотря мне куда-то за спину. Все ребята, сидевшие в комнате, следом за ним тоже спрыгнули со своих мест. Я развернулся, уже зная, кто вошел к нам в комнату.

– Вольно. – Кэп вошел в комнату. – Взво-о-од, в две шеренги... становись!

Наш кэп – мужик что надо. Взводный сержант Браун служил с ним в Афганистане. Говорит, толковый командир, потери у него всегда были небольшие. Сам ротный среднего роста, сухой, глаза колющие.

Вовремя кэп прервал наш спор. Однажды мы с Дорном так увлеклись, что потом... А, ладно, дело прошлое.

– Солдаты. Сегодня во время дневных теоретических занятий мне понравилось не все. Хочу кое-что объяснить.

Кэп, заложив руки за спину, не спеша прогуливался вдоль строя. Нравится мне, как он говорит. Негромко, фразы короткие, будто вырубает их, а не выговаривает. Когда-нибудь я тоже так научусь.

– Рядовой Дорн.

– Я, сэр!

– Вы, рядовой, невнимательно слушали лектора. Мне показалось? Ротный сделал заметное ударение на слове «лектор».

– Возможно, сэр.

– В чем дело, рядовой?

– Я старался, сэр.

– Вот что, солдаты. Сейчас слегка отступим от требований дисциплины. Только слегка и только на пятнадцать минут. Вы должны понять, что я вам скажу. Еще раз. Дорн, в чем дело?

– Я... я не понимаю, сэр. Чему нас может научить это чучело? Согласно приказу мы в оперативной деятельности руководствуемся местными законами. А по этим русским законам ему место на гарнизонной гауптвахте. Если вы, сэр, отдадите соответствующий приказ, то я его туда помещу, и не дай бог он по дороге будет дергаться.

– Рядовой Нейл!

– Я, сэр!

– Как у русских называется эта комната справа?

В качестве расположения роты мы использовали бывшую батальонную казарму русской армии. Жилье, конечно, еще то, не пойму, как русские жили в таком сарае? Ну и расположение комнат, конечно, не такое, к какому мы привыкли дома.

– Leninskaya komnata, сэс!

– Взвод, напра-а-аво! Левое плечо вперед, в Leninskaya komnata шаго-ом марш! Места занимать в произвольном порядке.

Комната, рассчитанная на небольшую русскую роту, вместила нас впритык. В комнате воняло грубо выделанной кожей, старыми газетами и средством для натирки полов. Дерьмо, конечно, но мы уже притерпелись.

– Нейл?

– Я, сэс!

– Ты вроде внимательно слушал, даже что-то записывал, помнится.

– Так точно, сэс.

– Что ты думаешь, прав рядовой Дорн?

– Я думаю, что в одиночку рядовой Дорн этого русского до гауптвахты бы не довел.

Ответом на мои слова был веселый смех товарищей по взводу.

– Отставить смех.

Ротный сделал несколько шагов к окну.

– А почему ты так думаешь, Нейл? – Зверье, о котором он там нам рассказывал, оно... в общем, русский знает все, о чем говорил, не по книжкам. Он ведь своими глазами все это видел. Видел и уцелел. Так что навыки выживания у него – будь здоров. А рядовой Дорн, он... говорит он красиво, сэс.

– Отставить смех была команда! – Кэп брови хоть и нахмурил, а сам-то едва сдерживается, чтобы не улыбнуться. – Садись, Нейл. Молодец. Напоминаю вам, что вы все считаетесь находящимися в зоне боевых действий. Это – деплоймент, солдаты. Как Ирак. Как Афганистан. И означает это не только деньги, звания и награды. Это еще и опасность, а значит, потенциальные потери. И если у нас потерь еще не было, то когда-нибудь обязательно будут.

Кэп внезапно замолчал и подошел к столику, за которым сидел рядовой Дорн.

– Мне показалось или вы, рядовой, что-то хотели сказать? Отвечайте, не юлите, наказывать не буду.

– Я не понимаю, как то, что рассказывал русский, поможет нам избежать потерь, даже если они, не дай бог, случатся, сэс.

– И ты хочешь, чтобы я тебе объяснил? – обратился к Дорну кэп, вдруг ослабив командный тон.

– Так точно, сэс.

– Так ведь и я этого не знаю, Дорн. Как же я тебе объясню, чего не знаю сам?

– Простите, сэс?

– Что простите, рядовой? Это война, а на войне все всегда идет не так, как планируешь, что тут вам не ясно?

– Сэс, я не понимаю, что вы хотите сказать. Зачем изучать внутренности пси-аномалии, если наша задача – патрулировать внешний периметр?

– Как называется эта штука у вас на разгрузке, рядовой? Вы, кстати, не сняли снаряжение, как положено, в уставной срок. Ладно, не пыжьтесь, Дорн, оставляю ваш промах без наказания. Ну так как?

– Это... фонарь тактический, светосила 300 люмен, ФТ-170. Может быть закреплен на штатное место...

– А зачем он вам в дневном патруле?

– Экипировка бойца морской пехоты предусматривает возможность реагировать на меняющиеся внешние условия, сэр!

– Боевой устав ты выучил, а смысл-то понял? Ну-ка своими словами. Зачем?

– Ну... а вдруг вовремя не сменят или там подвал какой, где солнца нет.

– Подвал и в лесу? Ладно, не старайся. Фонарь этот ты таскаешь на случай непредвиденных осложнений. А он ведь большой и тяжелый. Вот и представь, что знания об устройстве пси-аномалии – такой же фонарь. На всякий случай. Только он ничего не весит и всегда с собой.

– Но, сэр, если я не возьму с собой этот фонарь или возьму другой – нарушение будет небольшим, на замечание максимум. А этот русский сталкер... Ну вы меня понимаете...

– На войне, сынок, чтобы выжить, и не такое приходится делать. Дай-ка я расскажу вам одну историю. Видишь вот эту планку? Что это, расскажи, если знаешь.

– Конечно знаю, сэр! Это Серебряная звезда. Третья по значимости награда в армии США.

– Я ее получил в Афганистане. Мы тогда только-только туда вошли. Много еще чего еще не знали. Я был командиром взвода, ненамного старше тебя. Однажды во время разведки, вместе с ротным и всем отделением управления мы наткнулись на крестьянина, который мирно обрабатывал поле опийного мака аккуратно в миле от нашего лагеря. Ты знаешь, что такое опийный мак, Дорн? Хорошо, слушай дальше.

Потрясающая наглость афганца требовала адекватного наказания. Я все ждал, когда ротный распорядится взять его, но тот, пошептавшись о чем-то с аборигеном, приказал возвращаться в лагерь. Знаешь, Брайан, сказал он мне по пути, ты отличный солдат. Но если хочешь стать отличным командиром, не задавай дурных вопросов, а смотри по сторонам и мотай на ус.

Признаюсь, я его тогда не понял. Но через пару недель, однажды ночью, к нам прибежал тот самый взмыленный крестьянин. Талибы устроили засаду на большой конвое с грузом, а наш афганец об этом проведал. Надо ли говорить, что мы, скрытно выдвинувшись, так крепко врезали талибам по заднице, что ребята в Вашингтоне даже прислали проверяющего, чтобы убедиться, что мы ничего не приврали в отчете о боевых успехах. Я смотрю, ты впечатлен, солдат.

– Но это же... – Противозаконно? Конечно. Обязательно скажи об этом матерям тех солдат конвоя, которые вернулись домой.

– Сэр, разрешите с вами не согласиться.

– Пятнадцать минут еще не истекли, так что вай.

– Сегодня мы уходим из Афганистана, уходим, позорно договариваясь с талибами. Дядя Сэм проиграл войну. Может, из-за того, что солдаты слишком много думали, вместо того чтобы просто уничтожать всех, кто не с нами?

– Дядя Сэм проиграл войну тогда, когда сунулся в Афганистан. А вот я эту войну выиграл. Выиграл, потому что вернулся живой и вернул на родину почти всех тех, кто служил под моим началом. И тебя собираюсь вернуть твоему отцу, чтобы ты себе ни думал.

Дорн дернулся, как от удара, и побагровел. Что-то там у него с отцом. Папаша у Дорна конгрессмен, крутой перец.

– Пятнадцать минут закончились, так что держи свои комментарии при себе, рядовой. Последнее замечание. Отношения с аборигенами в деплойменте могут спасти жизнь. А ты, Дорн, даже назвал их русскими. Кто может объяснить рядовому его ошибку? Нейл, встаньте.

– Мы на территории Украины, сэр.

– В чем разница?

– Примерно как между Штатами и Канадой. Только отношения у русских и украинцев дерьмовые.

– Объяснить можешь, почему?

– Нет, сэр. Они и сами не могут, я у многих спрашивал.

- Что, совсем ничего не говорят?
- Да так, всякую чушь несут. Иногда говорят про *Zagadochnaya russkaya dusha*, сэр.
- А что это?
- Формально это что-то вроде «особенности русского менталитета, трудные для понимания иностранцем». Но я так считаю, что когда русские встречаются в своей жизни очередную дурь, которую сами себе объяснить не могут, то вспоминают про эту *dusha*, сэр.
- Хорошо, Нейл. Больше смотри по сторонам и контактируй с местными. Не дай бог, пойдет что-нибудь не так, такие контакты помогут спасти жизнь многих американских парней. Кэп демонстративно посмотрел на часы.
- Сержант, выводите людей на улицу для следования в столовую.

Александр Федоров. Охотинспектор Климовского района

Слава богу, все закончилось. А то я струхнул маленько. Ишь лбы наглые, сидят теперь, пригорюнившись. С ментами-то карабином не помашешь, особенно если командир экипажа мой кум. А все из-за Васьки, вот же тварь-то хитрая. Он мне давно не нравился, когда еще три мешка комбикорму у меня одолжил, а потом год отдавал. То нет у него, то спешит, а то просто уже и не помнит, брал или нет. Не любят таких хитромудрых у нас, я ему тогда так прямо и сказал.

Ну, а что, зарплата у меня маленькая, надо же как-то жить. Мне-то самому немного надо, детей вот поднять нынче недешево, младшая еще учится. Нынче вам, чай, не советская власть, за все тити-мити гони, за просто так хрен кто что будет делать. Я ведь много не беру – две-три тыщи с нормального хозяйства, а таких у меня всего-то пять штук. А этот козел решил, что и за бесплатно у него все пучком будет.

Весь сезон я смотрел, чтобы все лицензии у Васьки закрывались. А тут Васька сам мне помог – взял только одно разрешение на лося, пожадничал. Думал, что все зверье по-старому одной лицензией закрывать будет. А вот хрен ты, Василий, угадал. Я его в первую неделю подловил и заставил все закрыть. Тут-то он и задергался немного. Был бы поумнее – не стал бы жлобиться, договорился. Ну, а что делать, если своих мозгов нет? Танюха как от него ушла, так ему, дураку, и совета теперь не у кого спросить.

А пару дней назад разведка донесла, буржуи на большом джипе к нему приехавши. Я после этого, сразу как темнеет – проедусь, послушаю. Потом и на утренней зорьке также. И вот сегодня вечером слышу – ревет. Ревет-то так себе, сразу слышно, что человек. Значит, точно Васька, он охотник еще тот. Я, значит, сижу слушаю. Через пару часов выстрелы. Повезло ему, значит, попал на дурного лося. Да еще такая канонада, прямо война. Ну, я в уазик сел, и вперед. Только куму позвонил сначала.

Доехал быстро – смотрю, а там уже пьянка идет вовсю. Васька потеет, лося пластает, только не сильно ему кто помогает. Ну-ну, давай, Васек, старайся, тут тебе одному-то работы часа на полтора-два. Так и так, говорю, товарищи дорогие, не покажете ли лицензию. Товарищи, что потрезвее, смекнули, надо бы добром, да только главный боров ихний наклюкался взюзю и тычет мне своим карабином – типа вот те лицензия. Врать не буду, немного страшновато мне стало. Не стал я с ними спорить, пошел подмогу дожидаться. А чтобы Васька со своими клиентами наверняка не уехали, дерево подпилил и поперек дороги положил. Звоню куму, а тот, как назло, сломавши неподалеку, в ментуре ихней хорошие машины тока в столицах начальству раздают. Тут-то я и занервничал. Как бы не отхватить возле спиленного дерева. Слышу, едут. За пенек присел, страшно, блин. Приехали, матерятся. Хорошо, у Васьки-дебила даже бензы в багажнике не оказалось. Пока они суетились да примерялись, тут и кум подскочил, починивши.

На их счастье, боров посапывал на заднем сиденье, быковать некому было. Да только все равно гости ничего не поняли. Васька, видать, с три короба им наобещал, что у него все схвачено, вот они и понадеялись, что все само решится. Пьяные опять-таки, что с них взять. Ну, раз товарищи не понимают – повез их кум в райцентр. К утру приехали, а как в сознание буржуи пришли, сразу поняли, чем дело-то пахнет.

Вылазит, значит, боров сам и типа к ментам. Те ему чего-то такое объяснили, что тот сразу как-то и сник. Смотрю, ко мне лыжи вострит.

– Слышь, отец, расскажи, чё за кипеш.

– А то, что Васька вас подставил капитально.

– Поясни.

– А чё пояснять? Лицензии-то нет. А лось, это ни разу не административка, уголовное дело.

– У вас всегда тут все так строго? Как будто не в России.

– Ну, это кому как. Для Васьки – строго.

– Что так?

– А то, что если две тыщи в месяц зажал – то как в армии будет. Служи по уставу, завоешь честь и славу.

– В армии служил, знаю. Постой-ка, а две тыщи чего?

– Рублей, конечно. Мне зайчики белорусские или хохлобаксы без надобности.

– Ру-у-убле-е-ей. Вот оно что.

Боров повернулся к джипу, где за рулем сидел долговязый Васька. Тот аж съежился так, что из-за руля не видать стало. Тяжелый у Васьки сегодня будет день.

– Слышь, отец, непонятка вышла. Мы ваших мастей не знали, с Васькой разберемся.

У борова аж кулаки хрустнули от злости.

– Я-то что. Пока в лесу были, нужно было решать, а теперь менты в курсах. Я им не командир.

– С ментами я договорился. Завтра к вечеру начальник их уедет, и оружие они нам тихому вернут. Надо только, чтоб от тебя заявки не было. А я тебе все, что Васька задолжал с начала года, компенсирую.

– Тогда давай за весь год.

– Заметано. Держи хрусты. Четырнадцать штук сразу, остальные десять, когда менты завтра оружие вернут. Идет?

– Идет. Вот так удача! Жалко, бабка к внукам уехала. Ладно, перекантуюсь в Доме колхозника, прикуплю кой-чего, а завтра домой.

Бритва. Сталкер, в миру Артем Быков

И чего Батя до меня докопался? Я никого никогда не обманул, как он меня и учил. Что обещал – всегда в срок выполнял. Что ему еще надо?

Батя – человек уважаемый, и если он дальше будет меня гнобить, то мне придется очень кисло. И хотя я не делаю ничего такого, чего не делают все остальные, Батя может повернуть так, что скоро на меня каждый приличный сталкер будет смотреть косо. Ну, и если начистоту, мне и самому неприятно, что Батя обо мне плохого мнения. Неприятно, потому что он крепко помог мне по жизни. Да и вообще Батя мировой мужик, только на голову немного больно.

Если бы тогда, два года назад, он не шел мимо, лежать бы мне в сырой земле Зоны. Кем я тогда был? Сопляк, мальчишка, закуска для кровососа. Родители алкоголики, брат уголовник. Стандартная биография. Для Зоны, конечно, стандартная, тут ведь каждый четвертый – вообще детдомовец.

Хорошо еще, я сам понимал, что сталкер из меня никакой. Понимал, осторожничал, крутого из себя не корчил, но таки вляпался в полное дерьмо всего-то в пяти километрах от бара. А вляпался так глупо, что и рассказать стыдно.

Я тогда мелочевкой промышлял, глубоко соваться не рисковал. Сопли по десятке за сто граммов идут, немного совсем, но если не лениться, то сотня в день гарантирована, а если повезет, то и больше. Скоро я заметил, что сопли часто кучкуются вокруг электрических линий, и наострился их собирать так, что скупщики стали поговаривать о снижении цен. В тот день, когда я набрел на целое поле, решил, что мне здорово подфартило. Сопли весят мало, поэтому, засучив рукава, я принялся за работу, пока перспективное поле не нашел кто-нибудь еще. В уме я бодро складывал цифры, прикидывая, что, наконец, могу себе позволить себе поменять ПМ на калаш и прикупить защитный костюм средней паршивости. Э то было неразумно, не костюм с калашом, конечно, а посторонние мысли в Зоне, ибо, пока ты внутри, ни на секунду нельзя оставлять без внимания, что рядом творится, особенно если один. Я остановился на минуту, чтобы вытереть пот, и тут краем глаза заметил вкрадчивое движение сбоку. Сердце екнуло, я крепко сжал рукоять «Макарова» и внимательно огляделся по сторонам. Трава вокруг была чуть выше колен и не могла скрывать никакого крупного зверя. Я немного приободрился, убавив себя мыслью, что мне, должно быть, почудилось. Да и на самом деле не было там никакого зверя. Но ведь в Зоне не только звери смертельно опасны. Внезапно сзади я услышал явственный шорох и инстинктивно прыгнул вперед. Этот прыжок и спас мне жизнь. Ложнощупальце, выброшенное, а точнее, отстреленное черной орхидеей, скользнуло по позвоночнику, разрывая куртку и раздирая кожу на спине. Я закричал от боли и сделал еще несколько прыжков вперед, уходя от неведомой опасности. Тут же я заметил, что трава вокруг шевелится и со всех сторон ко мне движется тихая, скрытая травой угроза. Времени на размышления не было, и я рванул туда, где круг не сомкнулся окончательно, туда, где над травяным полем возвышался холм с небольшим деревом. Это была моя вторая ошибка. Будь я поопытнее, то смог бы понять, что мне угрожает медлительная плотоядная трава, а значит, нужно как можно быстрее разорвать расстояние между хищником и жертвой, которой я тогда являлся. Вместо этого я пулей взлетел на дерево, считая, что обезопасил себя от низкорослых хищников, нападению которых, как мне тогда казалось, подвергся. В следующий час я бессильно наблюдал, как мое убежище окружают странные кусты, униженные листьями размером с добрую лопату и красивыми лепестками черного цвета на вершинах мясистых стеблей. Один из кустов выбросил ложнощупальце, но радиус действия его оказался совсем невелик. Увенчанный шипами лепесток, напоминающий скорее кирпич, чем растение, бессильно стеганул по дереву подо мной и соскользнул вниз, оставляя неглубокие борозды на поверхности. Я забрался на всякий слу-

чай повыше и уселся поудобнее. Боль, вытесненная было страхом, снова навалилась на меня. Ничего, надо потерпеть и подождать.

А чего, собственно, ждать? Стоило мне осознать, что как раз-то ждать эти твари умеют намного лучше, чем человек, как ужас моего положения пронзил меня насквозь.

Тут-то я и понял, что такое настоящее отчаяние. Когда ужас сводит внутренности, когда от страха выворачивает наизнанку, человек даже не замечает, как начинает скулить, словно побитый пес. Сначала ты молишься всем богам, которых знаешь, потом начинаешь звать на помощь, пока голосовые связки не сядут, а потом впадаешь в ступор и только через часов семь-восемь понимаешь, что проще всего разжать руки и покончить с этим ужасом. И когда до меня наконец дошло, что самый простой выход – прыгнуть вниз самому, не дожидаясь, пока тело, скованное усталостью, само свалится в лапы охотников, я вдруг услышал далекий свист.

К тому времени мне уже мерещилось неведь что, так что еще одному глюку я совсем не удивился. И только когда через некоторое время свист повторился немного громче, я понял, что это, может быть, мой шанс.

К тому времени я не то что кричать – я уже говорить не мог. Слава богу, у меня еще оставались патроны.

Дрожащей рукой я, едва не роняя ПМ, выстрелил раз, другой и прислушался. Совсем недалеко раздался отчетливый крик. Я не мог понять, что он кричит, но догадался, что человек идет мне на выручку. Сил не оставалось ни на что, если что я и мог, так это только сидеть, обняв кору дерева, и плакать, глотая соленые слезы.

Через пять-семь минут (а тогда они показались мне вечностью) на опушке леса появился человек. Это был Батя. Самое приятное воспоминание в моей невеселой жизни – это его силуэт на фоне вечернего леса. Батя пошарил в мешке, достал несколько бутылок с прозрачной жидкостью и спички. Через полминуты емкость с бензином, подожженная Батей, полетела в самую гущу кустов, потом вторая, третья. Отвратные создания с визгом брызнули во все стороны. Поляна перед деревом очистилась, но я еще долго не мог разжать руки. Помню только Батин голос, уговаривавший меня расцепить объятия и спуститься вниз. Батя что-то говорил мне, но я ничего не понимал, хотя и кивал в ответ. Просто звуки никак не хотели складываться в слова, а слова – в осмысленные фразы. Потом как-то рывком, без перехода я очнулся. В ладонях у меня была зажата кружка с чем-то горячим и ароматным. Судя по горячему ощущению в животе, я какое-то время прихлебывал маленькими глотками содержимое. Рядом возился, собирая вещи, немолодой сталкер.

– ...соплей. Вот они и любят где погуще. Симбиоз такой вот жутковатый. Так что видишь сопли в большом количестве – ищи черные цветки неподалеку.

– А что такое симбиоз?

– Ага, очнулся. Я Батя.

– Бритва.

Батя скривил лицо, как будто лимон проглотил.

– А другого имени что, не было?

– Да так...

– Ну ладно, раз Бритва, так Бритва.

– Батя.

– Да.

– Я должник твой. Не знаю, расплачусь ли когда. – Посмотрим. Только если так безбашенно шастать по Зоне – вряд ли когда расплатишься, потому как скоро сгинешь.

Я нашарил в кармане мятую пачку сигарет. Дрожащими руками попытался закурить, и с третьей попытки мне это удалось.

– А что, есть варианты?

– Есть. Про отмычку слышал что-нибудь?

Батя подошел и сел передо мной на корточки. Только сейчас я разглядел его как следует. На вид лет сорок пять – пятьдесят. Высокий открытый лоб с залысинами. Подбородок чисто выбрит, на щеке небольшой шрам. Ну, и взгляд, конечно. Глаза карие и теплые какие-то, что ли.

– Мне напарник нужен. Третий заработанного – твоя. Будем ходить вместе – учить буду. Деньгами на снарягу нормальную ссужу. Есть условия.

Ничего себе вариант. Шутит, не иначе?

– Какие условия? За такое шикарное предложение ты, наверное, душу потребуешь продать?

– А ты ничего малец, с юмором. Это хорошо. Условия такие. Первое. Ты идешь всегда впереди. Про отмычку слышал что-нибудь?

– Нет.

– Всякая шваль в Зоне неопытных сталкеров так использует втемную. Пускают вперед, и, если сами какую опасность прозевают, отмычка принимает удар на себя. Потом отмычкадохнет, а основная группа идет дальше.

– И что, соглашаются?

– Отмычки-то? А кто ж им правду расскажет? Я тебе сразу как есть говорю, потому как не вру никогда. Но ты не бойся, за шесть лет я только два раза своего напарника не уберег. Последний раз, когда вляпался, двое суток его вытаскивал. Ничего, оклемался, сейчас ходит в Зону. Я своих не бросаю, не ссы.

– А первый?

– Что первый?

– Первый раз, когда вляпался. Что было тогда с твоим напарником?

Батя тяжело вздохнул и посмотрел куда-то в сторону, вдаль.

– А первый раз, Бритва, я напарника так и не вытащил.

Не знаю почему, но после этих слов у меня к Бате такое доверие возникло, что я сам удивился. Никогда и никому я так не верил. Отцу с матерью, да и то разве что в детстве.

– Я согласен.

– Ну и славно. Второе условие – полгода должен отходить со мной по-любому. И за месяц предупредить, если надумаешь уходить.

– Не вопрос. А что, бывает, что уходят не прощаясь?

– Предыдущий напарник так и поступил. Зуб его звали.

– Я если чего обещаю, выполняю железно.

– Ну что, тогда приступим. Сопли соберем и возвращаемся. Тут не меньше трех кило валяется. Чего добру-то пропадать?

Так вот наши с Батей пути и пересеклись. Сейчас, когда мы сидели в баре за одним столом, мне это вспоминалось в деталях. Те же глаза, только теплоты в них немного. Ну, и хрен с ним. Я не доллар, чтобы всем нравиться.

– Что тебе мешало пройти три лишних километра?

– А зачем это мне?

– Там человек погибал.

– А на мне что, красный крест нарисован? Закон Зоны – каждый сам за себя.

– У тебя это отняло бы два часа.

– А может, и жизнь. Зона, она того – тут всякая нечисть водится, знаешь ли.

– С твоим-то опытом и так далеко от центра Зоны? Ты бы с закрытыми глазами прошел. Я сам тебя учил, если помнишь.

– Значит, не захотел, раз не прошел.

– Да, Бритва, скурвился ты совсем.

– Слышь, Бать, ты меня жить-то не учи. Если у тебя проблемы будут – я и на любой риск пойду, чтобы выручить. А всякой шелупони помогать, знаешь ли, жизни не хватит.

– Сам-то давно шелупонью был?

– Недавно. Ну и что? Мне вот повезло, я тебя встретил. А тому парню не повезло.

– Ага, он встретил тебя.

– Ну и пусть так. Слушай, Батя, отчего ты ко мне-то пристал, а? Вон сколько сталкеров сидят вокруг, и все бы так поступили. Ты мне скажи, я кого-нибудь обманул за свою жизнь? Или взял чужое? Или подставил?

– Нет.

– А половина сидящих здесь и этим похвастаться не могут. Что же ты их не воспитываешь?

– Мы в ответе за тех, кого приручили.

– А?

– Забудь, Бритва.

Это Батя. Вылетает из него много такого, что мало кто понимает. Он так и не раскололся, к ем был в прошлой жизни.

– Гордишься тем, что никого не обманул, не взял чужого? Могу сказать, у тебя это все впереди. И обманывать, и брать чужое, и много еще чего интересного ты научишься делать. Одумайся. Так поступать нельзя.

– Не научусь.

– Да? А скажи мне, друг мой, давно со своими родителями разговаривал?

– А о чем мне с ними говорить? О ценах на водяру?

– Во-первых, какие ни есть, они твои родители. У многих тут и таких нет. А во-вторых... что, совсем ничего хорошего вспомнить не можешь?

Может, и могу. Только оно мне надо? Я, может, специально забыл, и вспоминать не хочу. Что же Батя-то все в душу лезет, когда не просят?

– Ладно, Бритва. У меня к тебе дело. Штатники у меня попросили помощи.

– Да ладно! Вот это номер. И что же им надо?

– Ну так, по мелочи. Поднатаскать морпехов по выживанию внутри Зоны. Серьезных планов идти внутрь у них вроде нет. Наверное, так, на всякий случай. Скоро у них что-то вроде полевого выхода – собираются порезвиться возле границы Зоны, глубоко не лезть. Мне одному не справиться, нужна помощь.

– Чего платят?

– Тут я не за деньги работаю.

– Не понял.

– Если ты не забыл, мы для них – вне закона. А теперь скажи, много сталкеров могут похвастаться хорошими отношениями в штабе морской пехоты Пиндосии?

– Да пожалуй, никто. А ведь и правда, разумно говоришь. Если эта канитель времени много не займет, то я готов.

– Пару дней. А потом, если они, с их-то техникой, когда-нибудь двинутся в глубь Зоны – наверняка им потребуется проводник. Сечешь?

– Артефакты?

– Правильно.

– Ну да, эти дуболомы могут далеко зайти, если захотят.

– Если других вопросов не осталось, то выходим завтра с утра.

– Только, Батя, договоримся сразу – по дороге не воспитывать.

– Это как получится.

– Батя!

– Ладно, хрен с тобой. Но на прощание подумай вот над чем. У тебя сейчас деньги водятся. Не много, но по своим старым меркам ты зажиточный парень. Мог бы и помочь своим родителям. От тебя сильно не убудет. Батя хорошо меня изучил за тот год, что мы провели вместе. И сейчас он ударил в самое больное место, ударил быстро и беспощадно.

Сергей Демидов. Брянский СОБР

Сколько возни уже было с этими сталкерами! Все они, похоже, отребье. До границы Зоны полста километров, так что эта публика тут постоянно отвисает. Хотя отвисает – это мягко сказано. Дебоширит, хулиганит, пьянствует. Но такого, как сейчас, еще не было. Коля Смирнов – командир второго взвода, а сейчас старший нашей небольшой команды. Если что-то пойдет не так – отвечать ему.

Смирнов о чем-то вполголоса расспрашивал сталкера, угрюмо сидящего перед ним на корточках. У этого парня хотя бы мозгов хватило слинять из той кутерьмы, которую устроили его подельники.

– Коля. Есть дело.

– Да, Серый.

– Чтoб ты знал, на всякий случай, заложников освобождать мне приходилось редко. Чаще всего было так, знаешь, если враг не сдается, его уничтожают.

– У тебя боевой опыт самый большой в отряде, все будет нормально. Готовность к штурму через пять минут, так что двигай.

Это да. Уж чего-чего, а убивать и выживать я умею хорошо. Иной раз даже думаю – а умею ли я что-нибудь еще? Окно квартиры с заложниками только одно, а значит, я буду первый, кто войдет в квартиру к бандитам. Из вооружения у них вроде только ПМы, решеток на окнах нет, так что все обойдется. Пора мне топать на крышу, занимать свое место.

Пашка уже ждет меня. Это хорошо. Пашка старательный пацан, даже чересчур, иногда суетится лишнего, но это от молодости. Я смотрю, как тщательно он проверяет снарягу, и немного успоаиваюсь. Руки напарника чуть дрожат, он сконцентрирован, и я стараюсь его не отвлекать. Пашка помогает мне пристегнуться к карабинам подвесной системы и отступает на полшага, чтобы окинуть взглядом свою работу. Судя по всему, он доволен увиденным.

Ну, вот и все.

– Где наша не пропадала, Пашка! Везде пропадала...

Напарник улыбается. Теперь ждать. Ненавижу эти минуты. Надо отвлечься.

– Пашка, часто эта шушера тут так веселится?

– Да нет. Проблем от них много, но так чтобы заложников брать – первый раз. Вообще-то про них знаешь, что говорят?

– Чтo?

– Те, что у нас дебоширят, – это и не сталкеры вовсе. Так – бандиты, сами в Зону далеко не суются, любят сталкеров-одиночек подстеречь и ограбить. Те, кто в Зону по-настоящему ходят, на Большой земле не часто появляются. Большая земля – это все, что не Зона, по-ихнему.

Внизу кто-то забубнил в мегафон.

– Походу, движуха началась. Пашка, ты бронник-то сними, пожалуй. Он тебе не понадобится, а движения сковывает.

– Ага, точняк. А вообще у нас с Зоной много чего связано, особенно в пограничных районах.

– Я уже почувствовал.

На левом плече зашипела рация.

– Ну вот, Серый, готовность минута.

– Быстро они.

– Ну а долго ли, умеючи. Кстати, бандитов пятеро.

– Я в курсе.

– Так, на всякий.

Пашка помогает мне перелезть через стену, одновременно страхуя резервным концом. Я упираюсь рифлеными подошвами в стену дома и спускаюсь чуть ниже. Томительно тянутся секунды. Пашка поднимает обе руки с растопыренными пальцами. Это значит, что выродки там, внизу, не собираются сдаваться и через десять секунд начнется бой. Через десять секунд обострившиеся от опасности чувства замедляют время и окружающие предметы приобретут неестественную четкость. Я ворвусь в комнату, битком набитую врагами, и постараюсь уцелеть. Когда-нибудь мне не повезет, и я нарвусь на пулю бандита, но не сейчас. Сейчас все обойдется, не знаю почему, но я в этом уверен. Пашка сжимает уже один кулак, разжимает его снова, и я вижу четыре пальца. Три. Два. Вдох. Закрываю глаза и втягиваю голову в плечи. Этажом ниже рвется световая граната. Я скольжу вниз и через оконную раму влетаю в квартиру. Слегка теряю равновесие, но быстро восстанавливаюсь. Теперь вперед. На полу комнаты корчится человек. Граната взорвалась прямо у него под ногами, так что ему ни до чего. Быстро наношу удар прикладом в голову, а ногой отбрасываю пистолет, выроненный бандитом, и рвусь дальше. Один. В следующей комнате хуже. Один из террористов вместе с заложником лежит на полу лицом вниз, предусмотрительно скрестив руки на затылке. Два. А вот другой, хоть и не очухался окончательно, пистолет из рук не выпустил и даже чего-то пытается им размахивать. Ну вот, уже не размахивает. Поди помашки рукой, переломанной в двух местах. Три. Судя по звуку через стену, внешняя дверь вылетает с петель. В квартиру рвутся бойцы СОБРа. Наши. Как хорошо звучит это слово. Полгода назад, в Ханкале, мы сполна у знали его цену.

Сзади слева бухает выстрел, и все стихает. Четыре. В мою комнату влетают двое.

– На кухне бандит.

Один из бойцов стремительно несется на кухню. Я слышу звуки ударов. Пять. Операция закончена. Квартира наполняется тяжелыми. Бойцы переворачивают все вверх дном в поисках ценностей. Мне неохота смотреть на это на все, и я выхожу в коридор. На полу растеклась лужа крови. Тела нет, наверное, уже унесли. Я спускаюсь вниз и, выйдя на улицу, с наслаждением прислоняюсь к теплой от сентябрьского солнца стене дома.

– Серый, переодевайся и в автобус. Едем в гостиницу. Не забудь, сразу ко мне в номер.

Коля сияет. Первая операция, которую полностью спланировал и провел он сам. Неплохо, кстати, провел. Ну что же, пусть гордится, заслужил.

Из окна автобуса я смотрел, как выходили из подъезда бойцы СОБРа с распухшими от прихваченного добра разгрузками. Наверное, так и надо. Там, в Чечне, тоже все зарабатывали, кто как умел. Еще с первой войны помню перехват: голос с сильным акцентом обращался к некому собеседнику. «Нэ пускайте салдат. Мы ещѣ пѣрвый взвод нѣ дабили». И через некоторое время: «Все нормал. Давай слѣдующих, брат». Несложно догадаться, кто был адресат. Рота соседей – мотострелков – в тот день понесла большие потери, а командир этой роты скоро уволился на гражданку. Доказать ничего не смогли, да и, наверное, не сильно хотели. Вот так и воюем, сказал мне тогда майор, командир сводного отряда, показавший записку. В наше время все крутятся, как могут.

Вечером я зашел к Смирнову.

– Что думаешь, Серег, как прошел штурм?

– Да нормально все, только ребята погорячились, бандита, что в прихожей сидел, зря шлепнули. Можно было и так взять.

– Может, и зря. Зато ты, я смотрю, патроны берег. Выдержка у тебя будь здоров.

– Не Чечня все-таки.

– Так-то оно так... Только бандитов мы уже сдали смежникам. Всех, кроме одного. Его завтра заберут.

– ФЭБусам, что ли?

– Ну да.

– Во как. А с чего вдруг ФСБ этой швалью занимается?

– Артефакты из Зоны, видишь ли, ба-а-альшой интерес для военной науки имеют. Никогда не замечал, как наш президент и его шайка злятся, что из Зоны им мало чего достается?

– Ну как бы неровно дышат они на Зону, это даже мне заметно. Только я этой политикой как-то, знаешь, не очень интересуюсь.

– А вот это зря. Для нас это не политика, а будни. Зона полста километров отсюда. Давай интересуйся, раз уж к нам приехал.

– Так вроде же в Зоне международная тусовка заправляет.

– Формально так. Только реально штатники всем там рулят. Вот наши тут всякую шнягу из Зоны по-тихому и скупают.

– Так что, выходит, у этих уродцев, что мы сегодня брали, – крыша ФСБ?

– Верно мыслишь. Не удивляйся, если этого отморозка, которому ты руку ломал, через пару месяцев опять здесь встретишь.

– А зачем тогда они устроили эту кутерьму с заложниками? – Зачем, зачем. Перепились. Или обкололись.

А скорее всего и то и другое. Так что в следующий раз ты бандиту не руку ломай, а голову.

– Сложно тут у вас.

– Если разобраться, то не сложнее, чем в Чечне.

– Наверное, ты прав.

– Скажу прямо, я рад, что тебя перевели к нам. Такого военного опыта тут ни у кого нет.

– Ну да, я зимой девяносто пятого под Гудермесом как начал, так только сейчас и остановился.

– С таким послужным списком, как у тебя, люди обычно не останавливаются никогда.

– А я вот, значит, особенный.

– Не расскажешь отчего?

– Что «отчего»?

– Отчего остановился.

– Устал.

– Ладно, созрешь, сам объяснишь, тянуть клещами не буду. И на этом спасибо, командир.

– Сам-то как?

– В плане?

– После отряда «Рысь» в Брянский СОБР – ничего?

– Да ну все нормально, ребята отличные. Квартиру, опять-таки, сразу дали, а то сколько можно по общежитиям мыкаться.

– Ну и славно. Да, кстати, твоя доля. Смирнов протянул мне конверт.

– Что это?

– У нас в отряде без крысятничества. Все честно и поровну.

Я вспомнил оттопыренные разгрузки и торопливый шмон после штурма. Все ясно. Деньги эти – награбленные, если назвать вещи своими именами. То, что раньше принадлежало преступникам, теперь принадлежит тем, кто этих преступников обезвредил. Забрать то, что тебе не принадлежит – это, оказывается, не крысятничество. Крысятничество, видимо, взять чужое и не поделиться с товарищем. И отказаться ведь нельзя – не поймут.

– Ну что же, спасибо.

Я положил хрустящий конверт во внутренний карман и вышел от командира. В моей комнате никого не оказалось.

Пашка, который и был сегодня моим соседом, еще отмечает внизу удачное завершение операции. Я достал пакет и пересчитал деньги. Их оказалось на удивление немало – почти тысяча зеленых. Я не так богат, чтобы разбрасываться деньгами, но удовольствие от такого заработка небольшое. Что же, каждый крутится, как может. Только на войне бескорыстная

любовь к несправедливым деньгам творила страшные вещи. Какое-то время я еще лежал на кровати, размышляя. Мысли текли вяло, ничего путного в голову не лезло. Ситуацию разрядил Пашка, неожиданно ввалившийся в комнату.

Напарник был слегка навеселе. Мне нравился этот парень. Нравилась его молодость, чувствовалось, что он смотрит на мир и на будущее веселым взглядом оптимиста.

– Завтра домой.

– Ну да, чего тут делать дальше?

– Серый, а расскажи про службу, а?

Пашка, Пашка... Детство в заднице играет.

– Откуда начинать? Может, с детства? Это я могу – родился в семьдесят шестом...

– Серый, ну я серьезно. Чечены хорошо воюют?

– Да, хорошо. Дисциплина у них слабая, но зато наглости и задора хоть отбавляй.

– Ты же в Ханкале был, когда третья война началась?

– Был. За сутки командир почуял неладное и отбил всех, кто заступал на блокпосты. Только оттого, что на базе был удвоенный контингент, мы и отбились. С утра чехи на нас напали так, что небо с овчинку показалось. Тогда многие ребята из сводных отрядов, те, что службу несли на территории, в плен попали. Прямо как июнь сорок первого.

– Двухсотых много было?

– Да не так чтобы очень... Раненых было много. Еще денек, и все – не удержаться нам. Чечены это чувствовали, давили как могли. К утру следующего дня всю технику свою подогнали, чтобы нас штурмовать.

– А вы что?

– Ночью Илы с десантурой начали садиться. Ребята из Рязани, из Пскова, из Новороссийска. Как же хорошо, Пашка, когда свои на выручку приходят. Не дай тебе бог узнать, как это – когда знаешь, если наши не придут, то все, хана.

– Да ладно, Серый, я не подвел бы.

– Я не в том смысле, не догоняешь, молод еще. Ну вот, а пока «Грачи» зачищали точки малокалиберной зенитной артиллерии, чехи, видать, прозевали, что к нам прилетело пополнение. Мы едва успели капониры под технику отрыть, с утра еще толком не рассвело, как начался штурм. Первыми танки пошли, потом БМП и БТРы. Ну мы им и врезали. Ноны прямо с открытых позиций все танки и пожгли. Пленных много было, выменяли на наших ребят, тех, что в первый день попали. Примерно так и было. Короче, устроили им Сталинград и Курскую дугу в одном флаконе.

– А потом?

– А потом, как чехи откатились, я рапорт написал. Так что меня там больше не было.

– Ясно... Серый, а откуда у них это все?

– Тяжелая техника?

– Ага.

– А ты сам не догадываешься?

– Не-а.

– Я за месяц до начала третьей войны в горы ходил на разведывход. Сопровождал оперативника ФСБ. На обратном пути разговорились, и вот что он рассказал. Задание их группа получила от очень высокого начальника с большими погонами. Когда мой оперативник сидел в приемной, то долго ждал, потому как к этому начальнику приходил посетитель. Он хоть и в гражданке был, посетитель этот, но фээсбешник его узнал. Один из командиров чеченских полков. Вот и все.

– Что «все»?

– А то, что зашел чех с пухлым чемоданчиком, а вышел без него. А через день вышел приказ передать тяжелую технику «в целях укрепления и противодействия терроризму...». Еще вопросы есть?

– Не может быть.

– Спрашиваешь, хорошо ли чехи воюют? Воюют, Пашка, может, и неплохо, только дело не в этом. Они друг друга не продают, понимаешь? Подставляют, предают, убивают друг друга, но не продают. Хотя, ты знаешь, со временем, наверное, начнут и продавать, потому что от нас научатся.

Напарник замолчал. Жестковато немного, но ничего, пусть избавляется от иллюзий. Я еще долго ворочался в кровати. Сон отчего-то не шел.

– Сергей?

– Чего?

– Ты поэтому рапорт из отряда написал?

– Да, Пашка.

Бритва. Сталкер, в миру Артем Быков

Сегодня ночью, как раз перед выбросом, я проснулся оттого, что мне было тошно. Настроение хуже некуда. Батя, гад неумный, постарался. Он ничего не делает случайно. Ведь тогда, например, когда Батя меня вытащил, я еще удивлялся, как это он догадался бутылки с зажигательной смесью с собой взять. Случайно? Хрен там. Вчера Хорь рассказал мне кое-что такое, во что я даже не сразу поверил. Хорь тогда скупал у меня сопли по-честному и я все ему сливал. Он и сейчас часто на бирюльки хорошую цену дает. Так вот, тогда, два года назад, после того как я попал в беду и не вернулся вовремя в бар, Батя вдруг стал интересоваться, где это я. Подошел и к Хорю, все ведь знали, что у меня с ним бизнес. Хорь, ясно дело, не знал, куда я пропал. Тогда Батя спросил, что я носил из Зоны в последнее время, и понял, что, скорее всего, меня взял в оборот черный цветок. Тогда он затарился зажигательной смесью и, узнав у кого-то, что я незадолго до исчезновения двинул из бара в направлении Агропрома, пошел по моим следам. А потом мы вернулись вдвоем. Батя, он ведь умный, и что он хочет – тайна великая есть, как он сам любит говорить. А вчера у него на уме было сделать мне больно.

У него хорошо получилось. Я вспоминал свою непутевую семью. Как там Батя сказал? «...что, совсем ничего хорошего вспомнить не можешь?» Конечно, могу. Только, может, не хочу. Все последние годы в Зоне я делал все, чтобы забыть свою семью, и, кажется, у меня получилось. Как я обрадовался, когда в свое время узнал, что в Зоне принято отказываться от своего имени – словно начинаешь жизнь с чистого листа. Но Батя пришел, сделал свое гнусное дело, и я лежу, не в силах заснуть.

Я помню, как отец, еще когда не закрылся комбинат, взял нас с братом первый раз на рыбалку. То есть отец меня взял первый раз, брат-то уже был «опытный» рыбак и поглядывал свысока. До сих пор я помню это славное чувство причастности к чему-то важному, мужскому. Отец объяснил мне, как нужно смотреть на поплавок, и я таращился на него изо всех сил, боясь, что если пропущу поклевку, то подведу его, не оправдаю доверие. А потом, когда солнце взойшло и клев закончился, мы и лежали на песке после купания, и отец курил вкусные сигареты без фильтра.

Потом помню школу. Я в первый же месяц не ладаил с третьеклассками, и они напододали мне, втроем поймав после уроков. Помню брата, который хоть и был на два года старше моих обидчиков, но из-за низкого роста казался мелким мальчишкой. Мы тогда подловили третьеклассников после школы на следующий день на «поговорить». Мне было страшно, что сейчас мы с братом отхватим с нова, но Сашка полез вперед и крепко взял самого большого из них за ухо. Сашка был ниже его ростом, и ему пришлось подниматься чуть ли не на цыпочки. «Слышь, мелкий, это мой брат, и, если ты тронешь его хоть пальцем, я тебе пасть порву». Это звучало грозно, если не знать, что совсем недавно мы смотрели смешной фильм, где главный герой говорил такую фразу. Третьекласски этого не знали и потому откровенно трусили.

Мама... Мне было бы, наверное, легче, если бы наша семья всегда была собранием уродов. Жили мы совсем не богато, хотя родители пытались работать какое-то время. Помню, как мама ночами, придя с работы со швейной фабрики, шила нам с братом одежду, чтобы «не хуже, чем у других». Я еще не понимал, как ей не надоедает шить с утра до ночи? А потом швейную машинку пропили, и шить мама перестала. Уже будучи взрослым, я однажды увидел, как мать плачет ночью навзрыд. Это был, наверное, последний раз, когда я попытался поговорить с ней.

Мать плакала от жалости к нам с братом, о том, что не смогла быть хорошей матерью, о том, что мы так и не вышли «в люди». Я только разозлился тогда – что плакать над несложившейся судьбой, если сам себя похоронил? Брось пить, а потом рыдай. Презираю такую позицию, тогда так считал и сейчас считаю. Только отчего же тогда так тяжело на сердце? Может быть, можно жалеть и любить, несмотря на презрение?

Я нашарил в темноте сигареты и подошел к окну. Хорошо сейчас вне Зоны. Теплая ночь бабьего лета пахнет полынью и ветром. Сейчас я закурю, и этот чудесный запах пропадет. Зато станет легче. Ядовитый дым опускается в легкие, голова немного очищается от тяжких мыслей. Боль в груди из острой превращается в ноющую, тупую, но так никуда и не уходит.

Внезапно, подчиняясь порыву, я беру телефон и набираю забытый номер.

– Алло, блин. Кто это?

– Скажите, а из Быковых есть кто дома?

– Слышь, хрен, ты на часы смотрел? Сто лет как твоих Быковых тут нет.

– А скажите...

В трубке гудки. А вообще они живы? Далеко отсюда ухает выброс. Что-то незнакомое слышится в раскатах Зоны. Что-то пошло совсем не так. Надо как-то войти в сталкерскую сеть, чтобы понять, что происходит.

Алекс Нейл. Морская пехота США, рядовой

«Отставить». Команда, неожиданно прозвучавшая, когда мы уже стояли в полном вооружении и готовности к выдвижению, стала неожиданностью. Солдаты недоуменно загудели.

– Рот-т-та...

– Это кэп. Ага, заткнулись. Ну и правильно. Вам-то какое дело, это же армия. Скажут сидеть – будем сидеть, скажут лежать – будем лежать.

– Снаряжение и вооружение оставить на плацу. До особой команды ожидать в расположении роты. Командирам взводов отвести людей в казармы.

Пока мы складывали рюкзаки, оружие и разгрузки в аккуратные кучки на влажный после утреннего дождя асфальт, я перебрался парой слов с Марком, капралом нашего отделения. Марк старше меня года на три, но у него уже есть командировка в деплоймент. Вообще он парень не суетливый, надежный и думающий, не то что я, болван черномазый.

– Что-то случилось, Алекс.

– Думаешь?

– Шум слышал ночью, как будто далекий взрыв?

– Нет. А что слушать-то? Ночью спать надо.

– Направят нас внутрь пси-аномалии, только не на тренировку, а на реальное задание.

– Да ладно.

– Если оружие сказали не сдавать – в течение часа снова вызовут, увидишь. А вон смотри.

Возле ворот парка с техникой суеились солдаты.

– Похоже «Хамви» будут выводить. Значит, поедem куда-то не близко. «Хамви» – машинка-то так себе, кстати. В Ираке народу в ней погибло – будь здоров. Сейчас там новая техника, а старье к нам присылают, тут вроде бы спокойнее, считают, что и так сойдет. Так что, рядовой, самое время домой девчонке письмо написать. – Марк ухмыльнулся своей шутке. – Выхожу на задание, с которого, может, не вернусь, ну и так далее.

Впрочем, Марк, как и я, да и как все ребята, верит в американское оружие, в нашу систему подготовки и вообще в то, что мы самые лучшие солдаты в истории мира. По крайней мере, нам так говорят. Час так час. Надо его пережить. Многим солдатам тревожно, Дорну, например, хоть он это и скрывает. А мне вот по фигу. Ну, или почти, если уж честно. Иногда я думаю, что я прирожденный солдат. Сон крепкий, дурных вопросов не задаю, приказы исполняю. А еще я люблю, когда за меня все решили и обо всем подумали. Я так Дорну и сказал, когда он меня снов а начал доставать. Я, конечно, понимаю, ему поболтать охота, нервишки-то у нашего умника шалют.

– Слышь, Нейл.

– Чего тебе?

– Ну вот смотри. Ты костюм антирадовый давно получил?

– Нет, а что?

– А то, что его совсем недавно разработали. А знаешь как? Из тех шуток, что в пси-аномалии находят, много чего интересного узнать можно. Так что не просто так гражданским туда доступ воспрещен. Представь, например, что военные открытия, которые тут делаются, попадут не туда, куда надо.

– Это куда, например?

– Красным, например.

– Это русским, что ли? Так они уже лет двадцать как не красные.

– Эх ты, темнота. Это снаружи они белые и пушистые. А внутри-то они такие же красные, как и раньше были. Вот и представь, хорошо это для безопасности Америки или нет.

– Ты все про слепопыта русского не можешь забыть?

– Да не могу. По-английски-то он чешет – будь здоров. Не простой парень. Доллар за сто даю, что на КейДжиБи работает. Наш спор понемногу начал привлекать внимание сослуживцев вокруг.

– Дорн?

– Да, Марк.

– Знаешь, в чем твоя проблема?

– Не уверен, что у меня вообще есть проблемы.

– Проблемы есть у всех. Так вот, ты сколько баллов набрал, когда ASVAB проходил? До ста дотянул?

– Да как бы и больше набрал, а что?

– А ты, Нейл?

– Сорок один. – Ну вот тебе, Дорн, и ответ. Ты до хрена думаешь, солдат. Попробуй посмотреть на вещи проще. Видишь цель, слышишь приказ, пух! Идешь дальше, а остальное не твое дело.

– А по существу ответить слабо?

– А по существу эти русские следопыты если и унесут что-нибудь, то так, объедки со стола. Все равно самое сладкое достанется нашим яйцеголовым, а не красным, синим или еще каким зеленым. Я вот тебе что скажу. В пси-аномалию соваться рискованно, так?

– Допустим.

– А эти русские готовы туда лезть за сотню баксов?

– И что с этого?

– А то, что проще с ними договориться – и пусть делают что хотят. Если бы от меня зависело, я бы ограничил им выход на русскую сторону, а так – шастай по этой своей пси-аномалии сколько влезет.

– Да ты прямо гений, стратег, можно сказать.

– Это не я. Был бы ты в Ираке – посмотрел бы, что частные армии делают, глядишь, и переменял бы свое мнение.

– Апеллировать к своему боевому опыту я не могу.

– Ничего, судя по тому, что оффы бегают по расположению полка как в задницу ужаленные, скоро у тебя этот опыт появится.

Марк молодец. Заткнул Дорна и красиво осадил. А мог ведь просто приказать. Над нами затопали ноги морпехов роты «Чарли». Значит, скоро наша очередь.

Сергей Демидов. Брянский СОБР

На улице идет бой. Если не удержаться, то чехи нас сомнут, и мы тут ляжем все. Стремительно натягиваю ботинки и штаны, бронежилет накидываю прямо на майку. На бегу подсоединяю спаренный магазин к автомату и передергиваю затвор. Предохранитель на автоматический огонь. В два прыжка слетаю по лестнице, выкатываюсь на улицу и занимаю место возле основания оградки. Стоп. Какие чехи? Климово, маленький райцентр Брянского района. Что за чертовщина, неужели я свихнулся? Вокруг слышны нечастые выстрелы, крики ужаса и звуки глухих ударов. Пока никого не вижу. Выбегаю на середину площади. Сзади гостишка, справа здание РОВД. В три стороны от площади отходят широкая улица и два проулка. Вдалеке мелькают неясные тени пробегающих в панике людей, и я наконец замечаю в утренних сумерках странную фигуру. Высокого роста, перекосившись, она словно плывет к центру площади. Ранен он, что ли? Из двери дома напротив вываливается мужчина. Лицо его перекошено от страха, он пытается бежать и натывается на высокого незнакомца. Остальное я вижу словно в замедленном кино. Высокий размахивается рукой, которая у него, оказывается, каких-то исполинских размеров, и бьет перепуганного человека. То есть я думаю, что бьет, потому что высокий настолько стремителен, что самого удара я не вижу. Визу только, что несчастный отлетает в сторону дома, из которого только что выбежал. Его голова издает мерзкий звук раскалывающегося ореха, а тело, оставляя влажные и скользкие следы на покрытой неровной штукатуркой стене, мешком падает вниз. Оно не успевает еще упасть на землю, когда я начинаю стрелять. Высокий падает, но подымается снова. Что это, сон? Он прыжками мчится ко мне, и пули автомата со смачным чавканьем входят в его тело. Магазин пустеет наполовину, и только тогда высокий падает окончательно. Мне нужны боеприпасы. Если каждая тварь потребует столько усилий, я скоро останусь с одним ножом. Здание РОВД рядом. Там должен быть боезапас. А еще, черт возьми, нам нужно оружие посерьезнее. «Печенег» бы был в самый раз, только где же его взять? На крыльцо выбегают ребята из отряда.

– Коля, срочно БТР на площадь! Курсовые пулеметы снять, в проулки, КПВТ на главное направление! Шесть человек ко мне!

БТР стоит здесь же, возле РОВД. Смирнов торопливо отдает команды, и ко мне спешат несколько человек.

– Свяжин, Орецкий, синий дом справа, крыша. Ваш сектор от скверика слева до кафешки справа. Ахрименко, Слепцов, дом слева, второй этаж, ваше направление радиовышка. Патроны пока экономить, минут десять – и будут боеприпасы.

От здания РОВД бежит дежурный.

– Дежурный!

– Капитан Семенов!

– Капитан, все боеприпасы, что есть, на площадь живо!

Капитан разворачивается на месте и несется обратно. Хорошо, что нормальный дежурный попался, без дурацких вопросов про разрешения и основания. Справа топот. Разворачиваюсь и на ходу подсоединяю магазин полной стороной.

Это всего лишь собаки, только какие-то странные. Шкуры в язвах и коросте, шерсть неопределенно-грязного цвета висит сосульками. На войне сначала стреляй, потом разбирайся. Гильзы, весело звеня, сплошным потоком раскатываются по асфальту. Собаки спотыкаются, некоторые падают, но большинство упрямо продолжают путь. Я понимаю, что патронов в магазине мне не хватит, а перезарядить не успею. Рядом раздается еще одна очередь и тут же другая. Это открыли огонь ребята из отряда. Автомат сухо шелкает, но стая уже вся лежит на влажном асфальте, заливая его густой темной кровью. Девять собак.

– Сколько патронов ушло?

- Полмагазина.
- У меня с десятков.

Итого шесть пуль на зверя. Они что, заговоренные? Странные глаза у этих собак. Бельмы какие-то. А как атаковали-то – прямо как по команде. Неужели эта чертовщина происходит наяву?

БТР уже фыркает двигателем, выезжая из-за кустов, и занимает положение посреди площади. Мне становится немного спокойнее. Ребята торопливо, но без лишней суеты снимают курсовые пулеметы. Сейчас они установят их в проулках, и станет совсем хорошо. Наверху слышны очереди. Это занявшие оборону двойки видят цели.

- Пашка, помоги дежурному принести боеприпасы.

Из БТРа вылезает Смирнов.

- Серый, что за хрень тут происходит?
- Не знаю. Сначала отбиться надо, разбираться будем потом.

– Серый, ты это... командуй. У тебя полюбасу лучше получится. Ну, я как бы уже приступил.

– Коля, через матюгальники кричите, чтобы все уцелевшие шли на площадь перед РОВД. И еще. Нужны автобусы и автотехника для эвакуации. Сейчас подойдет местный дежурный по РОВД, поставь ему задачу. Мужик вроде толковый, должен знать, где тут автобаза и кто из местных умеет обращаться с техникой.

- Понял.

Между бойцов СОБРа, одетых в городской камуфляж, внезапно я замечаю пожилого мужичка невысокого роста в лесной маскировке и высоких болотных сапогах. Мужик вынимает большой нож и наклоняется над убитой собакой, зачем-то переворачивая ее на бок. От здания РОВД рысят Пашка с капитаном, тянут тяжеленный железный ящик. Ну вот, теперь можно и повоевать.

– Левин, берешь один цинк и бегом на второй этаж дома слева. Там пока остаешься вместе с двойкой Слепцова. Пашка, тоже цинк в зубы и на крышу синего дома. Относишь цинк и идешь назад, к БТРу.

Эх, за курткой бы сгонять, пока никто не атакует. Бронежилет начинает натирать кожу под мышками и на плечах, с коро сотрет до крови. Ладно, успею еще. Надо бы решить, на чем ехать за автобусами. На площади стояло несколько разномастных машин. Из них, более или менее, для моих целей подходил уазик с широким люком на крыше. Нужно минимум три машины. Если не появится ничего более подходящего, придется брать легковушки.

- УАЗ чей?

- Мой.

Сзади ко мне незаметно подошел мужичок в камуфляже, тот, что ковырялся ножом в убитой собаке. Разговаривая со мной, он одновременно пучком сорванной тут же травы брезгливо оттирал нож, с которого капала темно-густая кровь.

- Капитан Демидов. Можно просто Сергей.
- Федоров. Александр Егорович. Районный охотинспектор.
- Твоя машина возле гостиницы?
- Я управляю. Уазик мне по должности положен.
- Мне она нужна, в автопарк по-быстрому смотаться.
- А ты тут кто?
- За старшего.

– Вот что, Старшой, я тут браконьеров вчера доставил, у них оружие в ментовке лежит. Дай команду, чтобы мне выдали, тогда поеду. Без оружия то сейчас как-то, знаешь... Да и лишний ствол тебе не помешает, а?

– Договорились. Я сейчас скажу дежурному, пойдешь с ним за оружием, а я пока в гостиницу заскочу. Все, что найдешь, клади в узик и выезжай на нем к БТРу.

За несколько минут, что меня не было на площади, народу заметно прибавилось. Испуганные люди жались к стенам домов, не понимая, что происходит. Смирнов что-то объяснял обступившим его людям. Полная женщина слева от Смирнова сокрушалась, что оставила во дворе с вечера постиранное белье, и просилась отойти, чтобы его снять. Рядом девочка лет восьми, вцепившись одной рукой за материнскую юбку, другой крепко держала тихо скулившего щенка. Почти все они задавали глупые вопросы, но их можно понять. Мир, в котором они жили, рушился прямо на глазах, и климовчане отчаянно и нелепо цеплялись хоть за что-нибудь знакомое, хотя бы для того, чтобы сохранить рассудок. Многие из этих людей потеряли близких, хотя, быть может, еще и не знают об этом, и сейчас навсегда уедут из городишка, в котором прожили всю жизнь. Все, что можно для них сделать, – увести отсюда как можно быстрее. Впрочем, если разобраться, ничего хорошего их не ждет и в будущем. Если дадут какую-нибудь полуразрушенную общагу взамен утерянных квартир – и то слава богу. Но это уже не моя работа. Я должен вывести их отсюда живыми.

В толпе мелькнуло лицо дежурного капитана. Как же его...

– Семенов!

– Да!

– Вводную про водителей получил?

– Да. Нашел пока только двоих.

– А что остальные, есть надежда отыскать?

– Может, по домам сидят, может, на личном транспорте выехали. Может, и погибли.

Рядом с капитаном хвостом ходил здоровенный испуганный мужик.

– Это водила с тобой?

– Да. Только говорит, один на базу не пойдет.

– Один я и сам на базу не пойду. Сколько автобусов на базе?

Капитан ткнул локтем здоровяка в бок:

– Мишка, с тобой говорят.

– Я... это... Пять больших и девять пазиков.

– Народу сколько в них войдет?

– В пазик двадцать три, а в большой...

– По максимуму считай.

– Тогда в пазик человек шестьдесят и в большой сотни две.

– Ключи от автобусов в автопарке?

– А где им еще быть?

– Слушай, Михаил, кто тут может управиться с автобусом из водил?

– Это... А кто отвечать будет? Не успел я отреагировать на вопрос водителя, как капитан, поднявшись на носки, звонко шлепнул здоровяка ладонью по лбу:

– Ты что, малахольный? Мозги отсох ли? Тебе вопрос задали, отвечай.

– Ну, я это, Петрович, для порядка, так-то что, я с понятием... – испуганно загундел здоровяк.

– Сейчас найдем водителей, старшой, не переживай. Десять минут. – Капитан грозно посмотрел на своего подопечного.

– Еще пазик в школе есть, его тоже возьмем.

– Через десять минут сбор возле БТРа. Бери всех водителей, что найдешь, пусть будет больше, чем надо. На базе должны быть грузовики, прихватим с собой.

– Понял.

Воздух разорвала длинная пулеметная очередь. В проулке глухо ударилась об асфальт чья-то массивная туша. Народ на площади испуганно притих. На площадь тем временем въез-

жали новые машины. Сбоку приткнулась буханка с красным крестом на боку, видимо, «скорая помощь». Это то, что надо. Не успел я окликнуть дежурного по РОВД, чтобы нашел водителя «скорой», как, скрипнув шинами, на площадь подрулил вместительный джип. Из него вывалился быковатого вида водила с ружьем в тяжелой руке. Из ствола ружья поднимался дымок. Вот тебя тут как раз мне и не хватало для полного комплекта.

– Серега, это, короче, хозяин оружия, тот самый браконьер. – Егерь возник откуда-то из-за спины. В руке он держал ствол знакомых очертаний. – Если чё, я не при делах, лады?

– Понял. Давай сюда карабин, скажу, что это я взял. А чего это он на СВД похож?

– Это «Тигр», девятка. Считай, та же СВДэшка, только помощнее.

– Ну-ка, покажи боеприпас.

Десятизарядный магазин, в нем тяжелая девятимиллиметровая пуля со скругленным свинцовым носиком. Такие пули, раскрываясь в теле, создают обширный раневой канал, так что толку от нее, если стрелять в серьезного зверя, намного больше, чем от стандартного армейского боеприпаса.

– Вот что, Егорыч. В порядке эксперимента я его себе возьму. Без обид?

Оттого, как егерь горестно вздохнул, я понял, что на карабин он давно глаз положил.

– Тебе виднее. Там у него много оружия было, но я только тигра взял и два ружья. Карабин, конечно, против этих зверюг куда как лучше будет, чем твоя пукалка. Ружья полуавтоматы, надежные. Одно хоть мне оставишь? Оба в багажнике лежат.

– Оставлю. Только подскажи, где боеприпас к нему брать?

– В автопарк поедem, заскочим в одно место, возьмешь сколько надо. Ты не подумай, мне чужого не надо, просто такое дело... дочка моя тут недалеко в деревне по соседству, надо будет мне проскочить к ней, а без оружия опасно.

Вот же напасть! Помочь бы человеку с дочкой, только вряд ли получится. Ладно, потом разберемся, сейчас нужно поговорить с «быком». Сколько таких вот наглых хозяев жизни я в девяностых переломал... Озираясь по сторонам, «бык» достает из кармана ружейные патроны и лихорадочно загоняет их в подствольный магазин.

– Капитан Демидов, Брянский СОБР.

– Вован.

– Вован, что по дороге случилось?

– Я тебе и сказать-то не знаю что, капитан. Не пойму, то ли белочка у меня началась, то ли сон снится. Может, ты объяснишь?

– Вряд ли.

– С утра пальбу как услышал – за ружье и на улицу. А там кабан не кабан, чудище с зубищами какое-то на меня сразу прыг! Я, бляха, почти весь магазин рассадил в него, пока тот лег. Думал, порвет меня в лоскуты. Слышь, чуть не обосрался, реально.

А парень-то, несмотря на отталкивающий вид, ничего, не из пугливых.

– Карабин, что у меня на плече, – твой?

– О, бляха, мой.

– Мне, чтобы народ вывезти отсюда, нужны автобусы, что в автопарке. А чтобы до автопарка добраться, нужен твой джип, Вован.

– Зашипись. Карабин отдай, машину отдай. Чего еще отдать? А мне что за это будет?

– Большое человеческое спасибо.

– Вот счастье-то. Слышь, капитан, мне хоть оружие помощи забрать из ментовки. То, что еще не растащили.

– Ничего не растащили. Два ружья взяли только, потом вернем.

– Ну и на оружие расписка нужна, иначе лицензию заберут.

– И расписка и оружие тебе будет.

– Прям шяз хочу.

- Тогда бегом за мной, времени в обрез.
- Только машину я сам поведу.
- Так даже лучше.
- А еще в джипе друзья мои, надо их где-то приткнуть.
- А что они, маленькие?
- Да не, обосрались просто конкретно. Лежат вповалку, блин, никакие. – Так ты один отстреливался?
- Вроде того.
- «Бык» нравился мне все больше и больше. Вот уж точно не суди о человеке по внешности.
- Если все пойдет без приключений, минут через сорок вся толпа отчалит в безопасное место.

Алекс Нейл. Морская пехота США, рядовой

«Хамви» трясется по русской дороге. Интересно, если это дорога, то какое же тогда у них бездорожье? Ребята примолкли, переваривают брифинг, который кратко провел кэп. Ясно, что теперь ничего не ясно. А отчего это меня должно заботить? Пусть оффы парятся, им за это деньги платят. Точно я понял только одно: появилась новая пси-аномалия, рядом с первой. Пока что мы должны перекрыть выезды-въезды, а потом командование разберется. Только всё перекрыть вроде как не выйдет, часть пси-аномалии на русской территории. Отчего-то с русскими договориться не выходит, а вроде как наоборот, и поэтому поводу все немерено суетятся.

Марк на переднем правом сиденье склонился к рации. Он что-то говорил в переговорное устройство, но из-за шума в машине мне ничего не было слышно. Наконец Марк закончил разговор и повернулся к нам лицом:

– Наше отделение должно занять позицию возле самой границы. Это оттого, что у нас в отделении есть переводчик.

Это я, значит. Интересно, а это хорошо или плохо? Я не понял. Если плохо, то, выходит, я вроде как виноват. Спросить, что ли...

– Марк, а это что, плохо, стоять у границы?

Марк не успевает ответить, как в разговор вклинивается Дорн:

– Да уж счастья мало. Ты брифинг слышал? Красные заявили права на новую пси-аномалию. Если полезут русские солдаты, то мы будем первые, кто их встретит. Наболтаешься тогда с ними вдоволь.

Вот же черт, а?

Марк неодобрительно смотрит на Дорна:

– Не перегибай, Дорн. На самом деле нихрена сейчас не ясно, где лучше, где хуже. Приедем на место, тогда разберемся.

Классный он парень, наш Марк.

Похоже, командование решило засунуть нас в самую задницу. Машина все прыгала и прыгала по неровной дороге, поднимая тучи пыли. Эта въедливая пыль набивалась в каждую щелку, скрипела на зубах, лезла за шиворот. Мы еще полчаса тряслись по пыльному пути, пока, наконец, не притормозили на опушке леса. Колея, по которой мы ехали, петляя, уходила дальше в чащу, а налево, вдоль кромки леса, от основной дороги отходил второй путь, заросший травой. Хорошо тут пахнет, свежим воздухом, степными травками и еще не знаю чем.

Марк, держа в руках навигатор, вылез из «Хамви» и прошел несколько шагов по заросшей дорожке.

– Это и есть направление, которое ведет в центр новой пси-аномалии. Только навигатор работает через раз. Включите-ка свои портативные ДжиПиЭсы. Проверим, что у вас покажет, может быть, у меня пыль в прибор набилась.

Навигатор ни у кого так и не заработал. Наверняка это шуточки пси-аномалии. Ладно, хоть до места добрались. Солнце тем временем поднималось все выше. По-прежнему ничего не происходило, и ребята расслабились.

– А что, парни, хорошо бы на нас напали местные пейзажи, а?

– А что, Джонни, ты, думаешь, отбился бы?

– Не, я бы сразу сдался в плен.

– А как же честь морской пехоты?

– Видишь ли, Санни, есть много способов, чтобы эту честь поддержать. Объяснить как?

– А давайте проверим, кто больше этих способов знает?

– Давайте! А что будет победителю?

– Право провести досмотр первых встреченных пейзажников.
– Не выйдет. Это к Нейлу. Он у нас по-русски чешет.
– Нейл, сможешь перевести, если мне нужно будет мило побеседовать с русской девочкой?

– А вот хрен тебе, сам побеседую.

– Ладно, рядовой, ты еще попросишь у меня чего-нибудь. Подходи, не стесняйся.

Марк не участвовал в общей трепотне, но и не прерывал солдат. Лучше уж языки чесать, чем гонять в голове мысль, что нас ждет дальше. Так прошло немало времени, прежде чем рация на головном «Хамви» пискнула и зажгла красный огонек вызова.

Гомон разом прекратился, и капрал надел наушник.

– Слушает капрал Крэйг.

Лицо Марка, по мере того как он слушал говорившего, вытягивалось все больше. Он поманил нас пальцем и включил громкую связь.

– ...недостаточно. Я сам это знаю. Все, что мне удалось добиться, – так это получить письменный приказ. – Ротный словно оправдывался. – Хуже всего, что укрепить вас личным составом я сейчас не могу. Вместе с научником пришлю одного местного проводника и два пулемета с полным боекомплектом. Это все.

– Сэр, что делать, если встретим сильное противодействие?

– Связи со мной может не быть, или, в лучшем случае, связь будет неустойчивой. Поэтому придется действовать по обстоятельствам, капрал. В крайнем случае разрешаю приостановить продвижение и отойти на первоначальные позиции. Мне, как и тебе, не нравится эта спешка, но в армии живут по приказам, сынок.

– Вас понял, сэр.

– Конец связи.

Марк внимательно осмотрел наши лица.

– Только что поступили ли свежие снимки со спутника. Вы знаете, что после выброса местность изменяется, так что дорог в ареале пси-аномалии не осталось. Единственный путь, который почему-то уцелел, – это тот, на котором мы стоим.

– И что с этого?

– А то, что в центре новой пси-аномалии находится предмет, который представляет интерес для яйцеголовых. Спутник его засек.

– А спешка-то в чем?

– Русский президент только что объявил эту аномалию зоной своих интересов и нагородил еще черт знает чего. Скорее всего, русские в ближайшие часы направят вглубь пси-аномалии своих солдат. Наша задача – их опередить. Вопросы есть?

– А русский президент не хочет поцеловать меня в задницу?

– Когда встречу его, Санни, обязательно спрошу.

– У меня вопрос, капрал.

– Говори, Дорн.

– На чьей территории тот предмет, за которым мы охотимся?

– Он ровно на границе.

– А если мы встретим русских, которые также за ним охотятся?

– Приказ поступил всех опередить.

– Вот черт.

– Согласен. Сейчас прилетит вертушка, на которой приедет какой-то хрен из научной миссии. Сдувая с него пылинки, несем в «Хамви» и экспрессом мчим к этой штуковине. Забираем штуковину и также бодро уматываем на свою законную территорию. Или, точнее, на законную территорию независимой республики Украина, что одно и то же. Вопросы есть? Отлично. Значит, так. Пока летит вертолет, всем пересчитать боезапас и доложить результат.

А что его считать, и так все известно. Просто Марк хочет отвлечь нас делом, пока мы ждем научника с проводником.

Александр Федоров. Охотинспектор Климовского района

Так мы и ехали в три машины. Впереди я на уазике, со мной Старшой и двое его бойцов, а за нами буханка с водителями. Московский джип плелся в хвосте. Старшой приказал ехать посередине дороги, чтобы, значит, времени среагировать в случае чего было больше. На улицах никого – ни людей, ни зверья.

– Слышь, Старшой, как думаешь, такая напасть только в Климове или еще где?

– Не знаю, не по моей части. А чего вдруг спросил?

– Дочь у меня практику проходит в сельском ФАПе, недалеко, прямо тут, на границе, я же говорил тебе.

– А, точно. Что за ФАП?

– Ну это... на фельдшера она у меня учится. В следующем году заканчивает, сейчас на практике.

– Сколько отсюда?

– Километров сорок. По грунтовке.

– За час с небольшим можно туда и обратно обернуться.

– На уазике чутка подольше.

– Погоди пока, Егорыч, лучше скажи, где тот магазинчик с патронами?

– Тут вот, направо, метров сто крюк если дать, он и будет.

– Давай тогда. Поворотник не забудь включить, а то этот, на пазике который, дерганный какой-то.

– Водила со скорой?

– Ну да. Наверное, сейчас и не рад, что к нам приехал.

– Потерпит. Вона скока народу-то с оружием. Отобьемся. Приехали.

– Поезжай вперед метров двадцать и становись боком. Третий, разворачивайся боком тоже, твоя сторона улицы слева. Второй, сиди пока в скорой, смотри за порядком. Выходим. Хлопцы, берите улицу справа, мы с Егорычем вдвоем внутрь.

Дверь настежь, решетка выдрана с мясом, валяется справа от крыльца. Старшой щелкает предохранителем и аккуратно идет внутрь. Ай, страшно. Вспомнилось отчего-то, как в прошлом сезоне здоровенного подранка-секача ночью добирал. Тоже страшно, но хоть лес был кругом привычный, собака опять-таки, а тут не пойми что. По полу патроны катаются, какой-то мусор разбросан кругом. Справа в углу что-то с диким визгом сорвалось с места. Я даже не успел увидеть цель, как Старшой пальнул и визг захлебнулся хрипом и бульканьем. Не выпуская «Тигра» из правой руки, Серега достал из разгрузки фонарь и посветил в угол. Там, дергаясь и шипя, кровила какая-то хренотень. Старшой обошел ее стороной, заглянул за прилавок в угол, откуда эта нечисть вылезла, и злобно сплюнул.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.